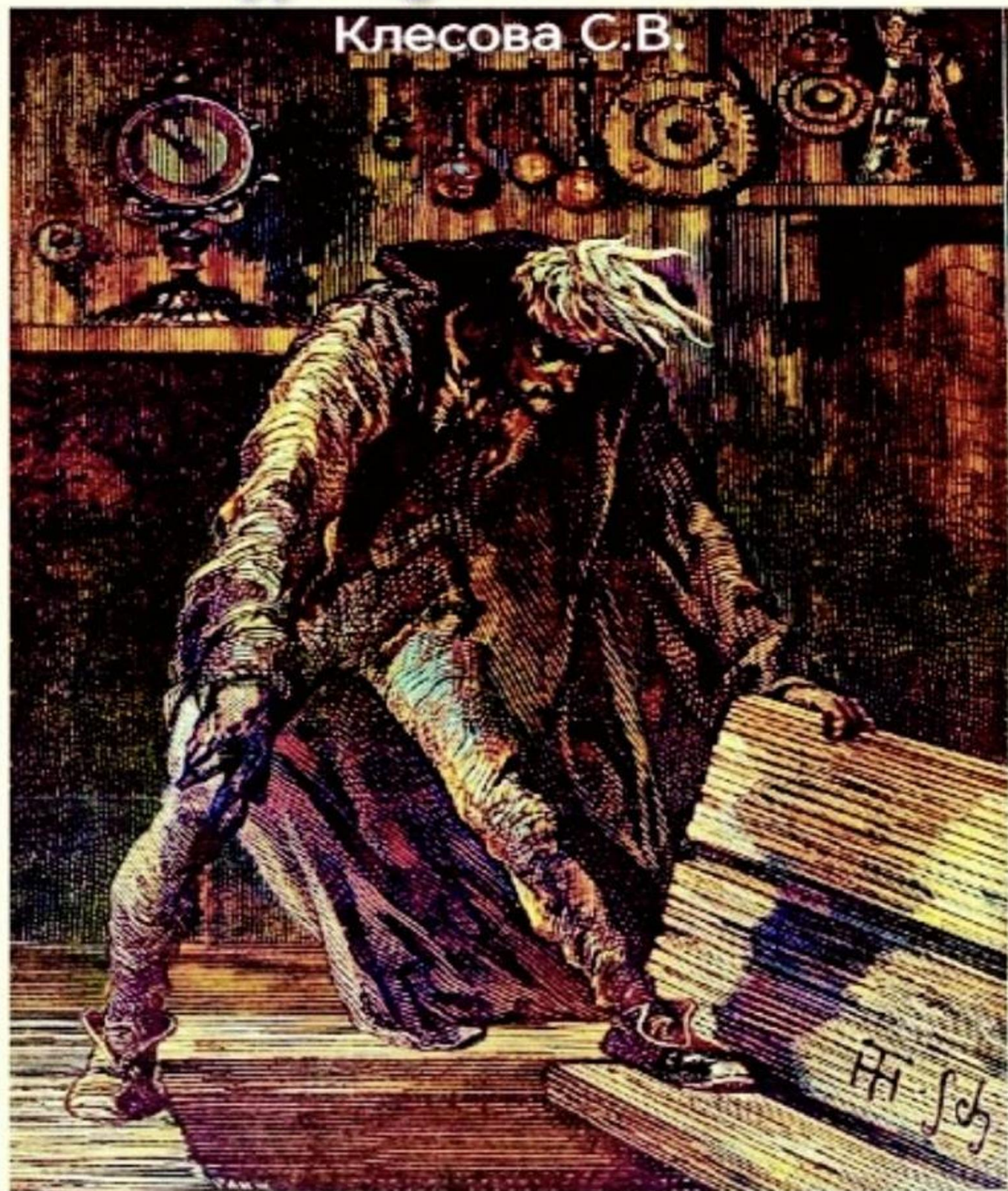


Книга для чтения на
французском языке

Клесова С.В.



Jules Verne

Maître Zacharius

Светлана Клесова

**Jules Verne. Maître Zacharius. Книга
для чтения на французском языке**

«Автор»

2026

Клесова С. В.

Jules Verne. Maître Zacharius. Книга для чтения на французском языке / С. В. Клесова — «Автор», 2026

«Мастер Захариус, или часовщик погубивший свою душу» — рассказ Жюль Верна 1854 года в жанрах фантастики и фэнтези. История отражает трагедию изобретателя, чья непомерная гордыня приводит к его падению. Рассказ относится к ранним произведениям автора и повторяет фаустовский сюжет падения гения. Сюжет увлекает читателя с первых строк и удерживает внимание до самого конца. Книга для чтения будет полезна всем владеющим французским языком на уровне B1/B2.

© Клесова С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
I. Une nuit d'hiver	7
Vocabulaire	7
Texte et devoirs	22
Зимняя ночь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Клесова

Jules Verne. Maître Zacharius. Книга для чтения на французском языке

Введение

"Мастер Захариус, " — мрачная сказка, повествующая о трагедии изобретателя, который из-за непомерной гордости идёт к своему падению. Сказка написана французским писателем, классиком приключенческой литературы, одним из основоположников фантастического жанра Жюлем Верном.

Жюль Верн родился 8 февраля 1828 года в городе Нант, в семье адвоката. Его писательская карьера началась в 1849 году со знакомства с сыном Александра Дюма, с которым он сдружился в литературном салоне. Вместе они закончили пьесу Жюль Верна "Сломанные соломинки" (Les Pailles rompues). Пьеса, благодаря ходатайству Александра Дюма-отца, была поставлена в Историческом театре.

В 1851 году Жюль Верн встретил своего земляка Пьера Шевалье, главного редактора журнала "Musées des familles". Шевалье искал автора, способного увлекательно писать о географии, истории, науке и технологиях, не теряя образовательный компонент. Жюль Верн оказался подходящей кандидатурой. В 1851 году Шевалье опубликовал рассказ Верна "Драма в воздухе".

Благодаря знакомству с директором театра Жюлем Севестом, Верн получил там должность секретаря, надеясь поставить в театре ряд своих комедийных опер.

После женитьбы Верн оставил литературное поприще и занялся облигациями, работая биржевым брокером.

В 1862 году писатель представляет своё новое произведение "Путешествие на воздушном шаре" известному издателю, Пьер-Жюлю Этцелю. Роман вышел через год под новым названием "Пять недель на воздушном шаре". Этцель подписал с автором договор, согласно которому Верн обязался предоставлять по три тома ежегодно за фиксированную сумму. Такая перспектива понравилась Жюлю Верну.

Писатель много путешествовал, но в 1872 году, по настоянию своей жены Онорины, семейство Вернов переезжает в Амьен. Здесь Верн становится членом Амьенской академии искусств и наук. Однако, вопреки стойкому желанию и помощи Дюма-сына, Жюль Верну не удаётся получить членство во Французской академии, и он остаётся в Амьене на долгие годы.

В 1877 году, получая большие гонорары, Жюль Верн приобрёл яхту. 28-метровое судно с опытной командой базировалось в Нанте. На яхте Жюль Верн посетил Марокко, Тунис, побывал в Греции и Италии. В 1879 году он снова посетил Англию и Шотландию, а в 1881 году — Нидерланды, Германию и Данию. Верн также планировал дойти до Санкт-Петербурга, однако этому помешал сильный шторм.

В 1884 году писатель совершил своё последнее большое путешествие, а в 1886 году неожиданно продал яхту за полцены, не объяснив мотивов принятия такого решения.

В 1888 году Жюль Верн занялся политикой и избрался в городское управление Амьена, где и проработал 15 лет. В июле 1892 года Верн стал офицером ордена Почётного легиона.

В самом начале девяностых он ощутил творческий упадок. Однако по просьбе изучающих эсперанто Верн начал писать роман на этом искусственном языке. Ему удалось завершить 6 глав. Роман выйдет в 1919 году под заглавием "Необыкновенные приключения экспедиции Барсака" после дополнений Мишеля Верна, сына писателя.

Жюль Верн скончался 24 марта 1905 года в своём амьенском доме на 78-ом году жизни от сахарного диабета.

Книга для чтения "Maître Zacharius" предлагает полный текст оригинала с заданиями и переводом. Будет полезна всем изучающим французский язык. Предполагает уровень владения языком не ниже В1.

Иллюстрации к книге Теофиля Шулера.

I. Une nuit d'hiver

Vocabulaire

situer - располагать
à la pointe - на пике; на краю
occidental - западный
lac m - озеро
donner son nom - дать своё имя
sortie f - выход
partager - разделить
distinct - отчётливый, ясный
diviser - делить
île f - остров
jeter - бросать
rive f - берег
disposition f - расположение
se reproduire - воспроизводиться; снова появляться
commerce m - торговля
sans doute - несомненно
indigène m - местный/коренной житель
séduire - соблазнить
facilité f - лёгкость
offrir - давать; дарить
bras m - рука; рукав (реки)
fleuve m - река
chemin m - дорога
marcher - шагать
tout seul - самостоятельно
courir - бежать
neuf - новый
régulier - правильный; гладкий; регулярный
s'élever - возвышаться
ancrer - становиться на якорь
galiote f - галиот (судно)
merveilleux - чудесный
entassement m - скопление, нагромождение
grimper - карабкаться
confusion f - замешательство; неразбериха; смешение
étendue f - простор
forcer - вынуждать
se jucher sur - взгромождаться на
piloti m - свая; опорный столб; колонна
engagé - начатый; вовлечённый
pêle-mêle - беспорядочно
rude - грубый; суровый
courant m - течение

gros - большой; крупный
madrier m - брус
noircir - чернеть
user - изнашивать(ся)
ressembler à - походить на
patte f - лапа
crabe m - краб
immense - огромный
produire - производить
filet m - сеть
jaunir - желтеть
véritable - настоящий
toile f d'araignée - паутина
tendre - натянуть
au sein de - внутри
substruction f - пристройка
séculaire - вековой
s'agiter - двигаться; шевелиться
ombre f - тень
feuillage m - листва
chêne m - дуб
s'engouffrir - проваливаться; поглощаться
écumer - пениться
lugubre - мрачный
mugissement m - рёв
habitation f - жилище
frapper - стучать
étrange - странный
vétusté f - ветхость
horloger m - часовщик
apprenti m - подмастерье
servante f - служанка
indéchiffrable - неразборчивый
maigre - тощий, тонкий, худой
pointu - заострённый
vaciller - качаться; мерцать; колебаться
flotter - плавать; развеваться
vent m - ветер
osciller - качаться; колебаться
balancier m - маятник
horloge f - часы
sec - сухой
cadavérique - трупный
affecter - затрагивать; поражать
teinte f - оттенок, цвет
sombre - тёмный
tableau m - картина
pousser à - подталкивать
étroit - узкий

regard m - взгляд
mélancoliquement - меланхолично
se reposer sur - полагаться; располагаться
cime f - вершина
neigeux - заснеженный
atelier m - мастерская
vieillard m - старик
occuper - занимать
cave f - погреб, подвал
au ras de - вровень
plancher m - пол
reposer - опираться; лежать
immémorial - незапамятный; древний, старинный
repas m - трапеза; приём пищи
régler - установить; уладить
différent - различный; другой
passer - проводить (о времени)
reste m - остаток
établi m - верстак
couvert de - покрытый; усыпанный
nombreux - многочисленный
plupart f - большинство
inventer - придумать, изобрести
habile - ловкий, умелый
œuvre f - произведение; творчество
se priser - ценить себя
industrieux - искусный
ouvrier m - рабочий
reconnaître - признавать
hautement - высоко
supériorité f - превосходство
honneur m - честь
montrer - показать
gloire f - слава
échappement m - выпуск; ход; выход
en effet - в самом деле
invention f - изобретение
travail m - работа
faire comprendre - разъяснять; доводить до сознания
plus tard - позже
dater - датироваться
naissance f - рождение
longuement - долго
merveilleusement - чудесно
travailler - работать
remettre en place - положить на место
avec lenteur - медленно
outil m - инструмент
recouvrir - снова накрыть

léger - лёгкий
verrine f - стекло; бокал
fin - тонкий
pièce f - деталь
ajuster - поправить
rendre le repos - дать отдохнуть
roue f - колесо
tour m - оборот
soulever - поднимать, приподнимать
judas m - глазок в двери, оконце
pratiquer - осуществлять, проделывать
réduit m - убежище; чулан
pencher - склоняться, наклоняться
se précipiter - устремиться
fracas m - грохот
s'enivrer - напиться; пьянеть
brumeux - туманный
vapeur f - пар, испарение
souper m - перекус, паужин
antique - античный
usage m - употребление; обиход
prendre part - принимать участие
bien que - хотя
mets m - блюдо
soigneusement - тщательно
apprêter - подготовить
vaisselle f - посуда
manger - кушать, есть
répondre - отвечать
taciturnité f - молчаливость, неразговорчивость
préoccuper - волновать, тревожить
visiblement - явно, заметно; видимо
babillage m - лепет, болтовня; журчание
oreille f - ухо
grondement m - гул, грохот; ворчание
prendre garde - остерегаться
silencieux - молчаливый
quitter - покидать
embrasser - поцеловать; обнять
accoutumé - привычный, обычный
disparaître - исчезать
étroit - узкий
conduire - вести, провести
retraite f - пенсия; уход; отступление
pas m - шаг
pesant - тяжёлый; неповоротливый, неуклюжий
escalier m - лестница
gémir - стонать
lourd - тяжёлый

plainte f - жалоба
demeurer - жить; оставаться
nuage m - облако
se traîner - волочиться
menacer - угрожать
se fondre - слиться
pluie f - дождь
emplir - наполнять
âme f - душа
tristesse f - грусть, печаль
vent m - ветер
rôder - бродить
alentour - кругом, вокруг
sinistre - зловещий
sifflement m - свист
savoir - знать; уметь
maître m - мастер; хозяин
Sainte Vierge - Пресвятая Дева
comprendre - понимать
avoir faim - проголодаться
rester - остаться
ventre m - живот, желудок
adroit - ловкий
tirer - стрелять; тянуть; вытащить
secret - секретный
motif m - мотив, причина
chagrin m - печаль
soupçonner - подозревать
douloureux - болезненный, мучительный
inquiétude f - беспокойство
s'imprimer - отпечатываться
visage m - лицо
permettre de - разрешать
tristesse f - грусть
envahir - завоевать
cœur m - сердце
connaître - знать
singulier - особенный
habitude f - привычка
lire - читать
front m - лоб
pensée f - мысль
ennui m - скука, тоска
sans doute - несомненно
survenir - происходить; встречаться
demain - завтра
se souvenir de - вспомнить
se repentir de - раскаяться
vraiment - действительно

causer - причинить
peine f - кара; горе
parler - говорить
façon f - фасон, метод
fixer - фиксировать
regard m - взгляд
beau - красивый
yeux m pl - глаза
admettre - допускать, признавать
intimité f - близость; уют
travail m - работа
apprécier - ценить
intelligence f - ум
discretion f - скромность; рассудительность
grand - большой; великий
bonté f - доброта
âme f - душа
s'attacher à - привязаться
foi f - вера; верность; убеждение
mystérieux - таинственный, загадочный
présider à - управлять, заведовать; председательствовать
dévouement m - преданность, самоотдача
héroïque - героический
an m - год
ovale m - овал
rappeler - напоминать
naïf - наивный
Madone f - Мадонна
vénération f - почитание; благоговение
suspendre - подвесить
encore - ещё
coin m - угол
rue f - улица
cité f - городок
respirer - дышать; вздыхать
simplicité f - простота
infini - бесконечный
aimer - любить
suave - учтивый; сладкий, приятный
réalisation f - реализация, осуществление
rêve m - мечта; сон
poète m - поэт; мечтатель
vêtement m - одежда
affecter - присвоить
couleur f - цвет
peu voyant - незаметный
linge m - бельё
blanc - белый
se plisser - морщиться; коробиться

épaule f - плечо
teinte f - цвет, оттенок
senteur f - запах
particulier - особенный
église f - церковь
vivre - жить
existence f - существование
mystique - мистический, загадочный
livré à - предоставленный
sécheresse f - сухость
calvinisme m - кальвинизм
ainsi que - подобно
soir m - вечер
matin m - утро
prière f - мольба; просьба
latin - латинский
missel m - требник, молитвенник
fermoir m - застёжка; замок
fer m - железо
sentiment m - чувство
cacher - прятать
profond - глубокий
jeune - молодой
en effet - в самом деле, действительно
monde m - мир
entier - целый, весь
se condenser - сгущаться
temps m - время
se passer - происходить
terminer - закончить
loquacité f - болтливость, разговорчивость
s'exercer - практиковаться; осуществляться
de préférence - желательно; преимущественно
malheur m - несчастье
petit - маленький
misère f - нищета; невзгода, неудача
ménage m - хозяйство
chercher - искать
arrêter - остановить
tabatière f à musique - музыкальная шкатулка
fabriquer - изготовить
monter - поднять(ся); монтировать; установить
briser - разбить
jouer - играть
air m - мелодия; воздух
trouver - найти
plonger - погрузить
taciturnité f - молчаливость, неразговорчивость
douloureux - тягостный, болезненный, мучительный

chaise f - стул
bois m - дерево
fixer - фиксировать
cierge m - свеча
pointe f - острие, кончик, пик
chandelier m - подсвечник, канделябр
allumer - зажечь
poser - ставить
vierge f - дева
cire m - воск
abriter - приютить; вмещать; укрыть
niche f - ниша; конура
pierre f - камень
coutume f - обычай
s'agenouiller - встать на колени
devant - перед
protecteur - защищающий
foyer m domestique - домашний очаг
demander - просить; спросить
étendre - протянуть
grâce f - милость
bienveillant - доброжелательный
nuit f - ночь
prochain - ближний; следующий
silencieux - молчаливый
place f - место; площадь
cher - дорогой
étonnement m - удивление
finir - закончить
heure f - час; время
bonsoir - добрый вечер
vouloir - хотеть
fatiguer - утомить
prolongée f - продолжение, продление
saint - святой
pourtant - однако, впрочем
cas m - случай
dormir - спать
retrouver - снова обрести
un peu - немного
joie f - радость
joli - милый
époque f - эпоха; время
maudit - проклятый, чёртов, окаянный
pouvoir - мочь
se promettre - обещать себе
journée f - день
bonheur m - счастье
envoyer chercher - отправить за

médecin m - врач, лекарь
s'écrier - восклицать
prêter l'oreille à - прислушаться
imagination f - воображение
sentence f - приговор; изречение
corps m - тело
faire - делать
murmurer - шептать
se remettre à - вновь приняться за
se livrer à - предаться
repos m - отдых
doucement - тихо, спокойно
contrariété f - противоречие; препятствие
moral - моральный
chagriner - огорчать
peut-être - возможно
raconter - рассказать
vivement - живо
éteindre - потушить
parcimonieusement - скупое; бережливо
fait m - факт
absolument - абсолютно
incompréhensible - непонятный, непостижимый, невразумительный
vendre - продать
quelque - несколько
année f - год
subitement - внезапно
rapporter - отнести
nombre m - число
démonter - демонтировать, разобрать
avec soin - тщательно
ressort m - рессор, пружина, заводной механизм
bon - хороший; добрый
état m - состояние
rouage m - винтик; зубчатое колесо
parfaitement - превосходно
établir - установить, определить, разработать
remonter - перемотировать; влезть
en dépit de - несмотря на; наперекор
habileté f - ловкость, умение, мастерство
marcher - идти, шагать
diable m - дьявол
sembler - казаться
naturel - натуральный, естественный
borné - ограниченный; тупой
terre f - земля
infini m - бесконечность
sortir - выйти
main f - рука

homme m - человек; мужчина
vrai - правдивый
quelque chose - что-то
extraordinaire - необычайный, исключительный
aider - помочь
cause f - причина
dérangement m - неудобство; неисправность, повреждение
désespérer - огорчать(ся), впасть в отчаяние
tomber des mains - валиться из рук
réprouvé - осуждаемый
instrument m - инструмент
cuivre m - медь
marquer - пометить; ознаменовать
devoir - быть должным
s'en tenir à - придерживаться
cadran m - циферблат; шкала
solaire - солнечный
ainsi - таким образом
Caïn - Каин
apprendre - узнать
ingénument - простодушно, наивно
vie f - жизнь
doute m - сомнение
prière f - мольба; просьба
inutile - бесполезный
grommeler - ворчать, бормотать
pardonner - простить
intention f - намерение
rallumer - зажечь снова
s'agenouiller - опуститься на колени
dalle f - плитка
prier - просить; молить
sanctification f - освящение
voyageur m - странник; путешественник
prisonnier m - пленник, узник
bon m - добрый человек
méchant m - злодей
inconnu - незнакомый, неизвестный
dévot - набожный, благочестивый
confiance f - доверие, вера
sein m - лоно, чрево
Dieu m - Бог
s'asseoir - сесть
pensif - задумчивый
fenêtre f - окно
lueur f - свет; луч
s'éteindre - гаснуть
verser - налить
eau f - вода

tison m - головешка
embraser - зажечь
pousser - толкать
énorme - огромный
verrou m - запор; засов
se jeter - броситься
lit m - кровать
tarder - медлить; ждать
mourir de peur - умереть от страха
horreur f - ужас
augmenter - расти, увеличиваться
parfois - иногда
tourbillon m - вихрь; водоворот; кружение; омут
s'engouffrer - захлёбываться
frissonner - дрожать, содрогаться
absorbé - занятый; поглощённый
songer à - думать о
maladie f - болезнь
proportion f - пропорция, соотношение
fantastique - фантастический
cher - дорогой
existence f - существование
devenir - стать
purement - чисто; исключительно
mécanique - механический
se mouvoir - двигаться
effort m - усилие
pivot m - стержень; опора
usé - изношенный, потрёпанный
soudain - внезапно
abat-vent m - ветрозащитный козырёк, дефлектор
violemment - яростно, неистово; жестоко
rafale f - порыв ветра
heurter - стучать
tressaillir - дрожать
brusquement - резко
comprendre - понять
cause f - причина
bruit m - шум
secouer - трясти, сотрясать
torpeur f - оцепенение; затишье
émotion f - эмоция
se calmer - успокоиться
châssis m - рама, каркас; ходовая часть
nuage m - облако
crever - околоть; прорваться
torrentiel - проливной
crépiter - трещать
toiture f - кровля, кровельное покрытие

environnant - близлежащий
se pencher - наклониться
dehors - вне, наружу
attirer - привлечь, притянуть
volet m - ставня
ballotter - шататься, качаться
avoir peur - бояться
paraître - показаться
confondre - путать
tumultueux - бурный; беспорядочный
submerger - затопить, залить
fragile - хрупкий
ais m - доска
craquer - скрипеть; треснуть
de toutes parts - со всех сторон
fuir - бежать
apercevoir - замечать
au-dessous de - под
réverbération f - отражение; отзвук
lumière f - свет
venir - приходить
calme m - тишина, спокойствие
momentané - мимолётный, сиюминутный; мгновенный
se taire - молчать
élément m - деталь; составляющая
frappé par - потрясённый
son m - звук
plaintif - жалобный
tenter de - пытаться
refermer - закрыть снова
parvenir - достичь
repousser - оттолкнуть
avec violence - сильно; неистово
malfaiteur m - злоумышленник; злодей
s'introduire - ввести себя
fou/folle - сумасшедший/сумасшедшая
échapper - ускользать
main f - рука
battre - бить
bruyamment - шумно
tempête f - буря
se trouver - находиться
alors - тогда, итак
salle f - зал
obscur - тёмный
tâtonner - шарить, нащупывать
gagner - достичь
aboutir à - оканчиваться
glisser - скользить

pâle - бледный
mourant - умирающий
debout - стоя
au milieu - посреди
remplir - наполнять
mugissement m - рёв
cheveu m - волос
hérissé - взъерошенный, растрёпанный
donner - давать
aspect m - вид
sinistre - зловещий
parler - говорить
gesticuler - жестикулировать
voir - видеть
entendre - слышать
seuil m - порог
mort f - смерть
voix f - голос
sourd - глухой
vivre - жить
maintenant - теперь
disperser - разбросать; распылять
créateur m - создатель
partie f - часть
enfermer - упрягать, заключать
chacun - каждый
boîte f - коробка
fer m - железо
argent m - серебро
or m - золото
chaque - каждый
fois f - раз
s'arrêter - остановиться
maudit - проклятый
sentir - чувствовать
cesser - прекращать
régler - регулировать
pulsation f - пульсация
façon f - метод, способ
étrange - странный
prendre - брать
une sorte de - что-то вроде
cylindre m - цилиндр
creux - полый
appeler - звать
barillet m - цилиндр, барабан
retirer - вынуть
spirale f - спираль
acier m - сталь

au lieu de - вместо того, чтобы
se détendre - расслабляться; растягиваться
suivre - следовать
loi f - закон
élasticité f - эластичность
roulé - скатанный, закрученный
ainsi que - подобно
vipère f - гадюка
endormi - спящий
noué - связанный
impotent - немощный, больной
sang m - кровь
se figer - застыть, замереть
à la longue - в конце концов, с течением времени
essayer de - пытаться
vainement - напрасно
dérouler - развернуть
doigt m - палец
amaigri - исхудавший
silhouette f - силуэт
s'allonger - удлиниться
démessurément - непомерно, чрезмерно
muraille f - стена
bientôt - вскоре
terrible - ужасный
cri m - крик
colère f - гнев
précipiter - осадить; низвергнуть
pied m - нога
cloué - пригвождённый
souffle m - дыхание
mouvement m - движение
s'approcher - приблизиться
vertigineux - головокружительный
hallucination f - галлюцинация, ведение
s'emparer de - завладеть
murmurer - шептать
douleur f - боль
tenir - держать
éveillé - настороженный; бодрствующий
rentrer - вернуться
froid - холодный
à mi-voix - вполголоса
s'inquiéter - беспокоиться
inquiéter - беспокоить
doux - мягкий, нежный
parole f - слово
revenir - вернуться
s'appuyer à - опереться

bras m - рука
malade - больной
seul - один
guérir - лечить
affection f - привязанность
céder - уступать
consolation f - утешение
esprit m - ум
accident m - несчастный случай
travailler - работать
réparer - чинить
ramener - вернуть
raison f - разум
ajouter - добавить
impressionner - впечатлить
métier m - ремесло
réprouvé - отверженный; проклятый
réchauffer - разогреть
glacé - ледяной
retourner - вернуться
pauvre - бедный, несчастный
espérance f - надежда
regagner - вернуться
lentement - медленно
jour m - день
sommeil m - сон
appesantir - утяжелять; отягчать
paupière f - веко
tandis que - в то время как
muet - немой, безмолвный, молчаливый
immobile - неподвижный

Texte et devoirs

1. Mettez les verbes aux temps exigés par le sens.

A. La ville de Genève est située à la pointe occidentale du lac auquel elle (donner) ou (devoir) son nom.

B. Le Rhône, qui la (traverser) à sa sortie du lac, la (partager) en deux quartiers distincts, et est divisé lui-même, au centre de la cité, par une île jetée entre ses deux rives.

C. Cette disposition topographique (se reproduire) souvent dans les grands centres de commerce ou d'industrie.

2. Mettez les verbes entre parenthèses à l'imparfait de l'indicatif.

A. Au temps où des constructions neuves et régulières ne (s'élever) pas encore sur cette île, ancrée comme une galiote hollandaise au milieu du fleuve, le merveilleux entassement de maisons grimpées les unes sur les autres (offrir) à l'œil une confusion pleine de charmes.

B. Une des habitations de l'île (frapper) par son caractère d'étrange vétusté.

C. Cet homme (ne pas vivre). Il (osciller) à la façon du balancier de ses horloges.

3. Décrivez l'homme que vous voyez sur la couverture du livre.

4. Lisez.

La ville de Genève est située à la pointe occidentale du lac auquel elle a donné ou doit son nom. Le Rhône, qui la traverse à sa sortie du lac, la partage en deux quartiers distincts, et est divisé lui-même, au centre de la cité, par une île jetée entre ses deux rives. Cette disposition topographique se reproduit souvent dans les grands centres de commerce ou d'industrie. Sans doute les premiers indigènes furent séduits par les facilités de transport que leur offraient les bras rapides des fleuves, « ces chemins qui marchent tout seuls », suivant le mot de Pascal. Avec le Rhône, ce sont des chemins qui courent.

Au temps où des constructions neuves et régulières ne s'élevaient pas encore sur cette île, ancrée comme une galiote hollandaise au milieu du fleuve, le merveilleux entassement de maisons grimpées les unes sur les autres offrait à l'œil une confusion pleine de charmes. Le peu d'étendue de l'île avait forcé quelques-unes de ces constructions à se jucher sur des pilotis, engagés pêle-mêle dans les rudes courants du Rhône. Ces gros madriers, noircis par les temps, usés par les eaux, ressemblaient aux pattes d'un crabe immense et produisaient un effet fantastique. Quelques filets jaunis, véritables toiles d'araignée tendues au sein de cette substruction séculaire, s'agitaient dans l'ombre comme s'ils eussent été le feuillage de ces vieux bois de chêne, et le fleuve, s'engouffrant au milieu de cette forêt de pilotis, écumait avec de lugubres mugissements.

Une des habitations de l'île frappait par son caractère d'étrange vétusté. C'était la maison du vieil horloger, maître Zacharius, de sa fille Gérande, d'Aubert Thün, son apprenti, et de sa vieille servante Scholastique.

Quel homme à part que ce Zacharius ! Son âge semblait indéchiffrable. Nul des plus vieux de Genève n'eût pu dire depuis combien de temps sa tête maigre et pointue vacillait sur ses épaules, ni quel jour, pour la première fois, on le vit marcher par les rues de la ville, en laissant flotter à tous les vents sa longue chevelure blanche. Cet homme ne vivait pas. Il oscillait à la façon du balancier de ses horloges. Sa figure, sèche et cadavérique, affectait des teintes sombres. Comme les tableaux de Léonard de Vinci, il avait poussé au noir.

Gérande habitait la plus belle chambre de la vieille maison, d'où, par une étroite fenêtre, son regard allait mélancoliquement se reposer sur les cimes neigeuses du Jura ; mais la chambre à coucher et l'atelier du vieillard occupaient une sorte de cave, située presque au ras du fleuve et dont le plancher reposait sur les pilotis mêmes. Depuis un temps immémorial, maître Zacharius n'en sortait qu'aux heures des repas et quand il allait régler les différentes horloges de la ville. Il passait le reste du temps près d'un établi couvert de nombreux instruments d'horlogerie, qu'il avait pour la plupart inventés.

Car c'était un habile homme. Ses œuvres se prisait fort dans toute la France et l'Allemagne. Les plus industrieux ouvriers de Genève reconnaissent hautement sa supériorité, et c'était un honneur pour cette ville, qui le montrait en disant : « À lui revient la gloire d'avoir inventé l'échappement ! »

En effet, de cette invention, que les travaux de Zacharius feront comprendre plus tard, date la naissance de la véritable horlogerie.

Or, après avoir longuement et merveilleusement travaillé, Zacharius remettait avec lenteur ses outils en place, recouvrait de légères verrines les fines pièces qu'il venait d'ajuster, et rendait le repos à la roue active de son tour ; puis il soulevait un judas pratiqué dans le plancher de son réduit, et là, penché des heures entières, tandis que le Rhône se précipitait avec fracas sous ses yeux, il s'enivrait à ses brumeuses vapeurs.

Un soir d'hiver, la vieille Scholastique servit le souper, auquel, selon les antiques usages, elle prenait part avec le jeune ouvrier. Bien que des mets soigneusement apprêtés lui fussent offerts dans une belle vaisselle bleue et blanche, maître Zacharius ne mangea pas. Il répondit à peine aux douces paroles de Gérande, que la taciturnité plus sombre de son père préoccupait visiblement, et le babillage de Scholastique elle-même ne frappa pas plus son oreille que ces grondements du fleuve auxquels il ne prenait plus garde. Après ce repas silencieux, le vieil horloger quitta la table sans embrasser sa fille, sans donner à tous le bonsoir accoutumé. Il disparut par l'étroite porte qui conduisait à sa retraite, et, sous ses pas pesants, l'escalier gémit avec de lourdes plaintes.

Gérande, Aubert et Scholastique demeurèrent quelques instants sans parler. Ce soir-là, le temps était sombre ; les nuages se traînaient lourdement le long des Alpes et menaçaient de se fondre en pluie ; la sévère température de la Suisse emplissait l'âme de tristesse, tandis que les vents du midi rôdaient aux alentours et jetaient de sinistres sifflements.

« Savez-vous bien, ma chère demoiselle, dit enfin Scholastique, que notre maître est tout en dedans depuis quelques jours ? Sainte Vierge ! Je comprends qu'il n'ait pas eu faim, car ses paroles lui sont restées dans le ventre, et bien adroit serait le diable qui lui en tirerait quelque une !

— Mon père a quelque secret motif de chagrin que je ne puis même pas soupçonner, répondit Gérande, tandis qu'une douloureuse inquiétude s'imprimait sur son visage.

— Mademoiselle, ne permettez pas à tant de tristesse d'envahir votre cœur. Vous connaissez les singulières habitudes de maître Zacharius. Qui peut lire sur son front ses pensées secrètes ? Quelque ennui sans doute lui est survenu, mais demain il ne s'en souviendra pas et se repentira vraiment d'avoir causé quelque peine à sa fille. »

C'était Aubert qui parlait de cette façon, en fixant ses regards sur les beaux yeux de Gérande. Aubert, le seul ouvrier que maître Zacharius eût jamais admis à l'intimité de ses travaux, car il appréciait son intelligence, sa discrétion et sa grande bonté d'âme, Aubert s'était attaché à Gérande avec cette foi mystérieuse qui préside aux dévouements héroïques.

Gérande avait dix-huit ans. L'ovale de son visage rappelait celui des naïves madones que la vénération suspend encore au coin des rues des vieilles cités de Bretagne. Ses yeux respiraient une simplicité infinie. On l'aimait, comme la plus suave réalisation du rêve d'un poète. Ses vêtements affectaient des couleurs peu voyantes, et le linge blanc qui se plissait sur ses épaules avait cette teinte et cette senteur particulières au linge d'Église. Elle vivait d'une existence mystique dans cette ville de Genève, qui n'était pas encore livrée à la sécheresse du calvinisme.

Ainsi que, soir et matin, elle lisait ses prières latines dans son missel à fermoir de fer, Gérande avait lu un sentiment caché dans le cœur d'Aubert Thün, quel dévouement profond le jeune ouvrier avait pour elle. Et en effet, à ses yeux, le monde entier se condensait dans cette vieille maison de l'horloger, et tout son temps se passait près de la jeune fille, quand, le travail terminé, il quittait l'atelier de son père.

La vieille Scholastique voyait cela, mais n'en disait mot. Sa loquacité s'exerçait de préférence sur les malheurs de son temps et les petites misères du ménage. On ne cherchait point à l'arrêter. Il

en était d'elle comme de ces tabatières à musique que l'on fabriquait à Genève : une fois montée, il aurait fallu la briser pour qu'elle ne jouât pas tous ses airs.

En trouvant Gérande plongée dans une taciturnité douloureuse, Scholastique quitta sa vieille chaise de bois, fixa un cierge sur la pointe d'un chandelier, l'alluma et le posa près d'une petite vierge de cire abritée dans sa niche de pierre. C'était la coutume de s'agenouiller devant cette madone protectrice du foyer domestique, en lui demandant d'étendre sa grâce bienveillante sur la nuit prochaine ; mais, ce soir-là, Gérande demeura silencieuse à sa place.

« Eh bien ! ma chère demoiselle, dit Scholastique avec étonnement, le souper est fini, et voici l'heure du bonsoir. Voulez-vous donc fatiguer vos yeux dans des veilles prolongées ?... Ah ! sainte Vierge ! c'est pourtant le cas de dormir et de retrouver un peu de joie dans de jolis rêves ! À cette époque maudite où nous vivons, qui peut se promettre une journée de bonheur ?

— Ne faudrait-il pas envoyer chercher quelque médecin pour mon père ? demanda Gérande.

— Un médecin ! s'écria la vieille servante. Maître Zacharius a-t-il jamais prêté l'oreille à toutes leurs imaginations et sentences ! Il peut y avoir des médecines pour les montres, mais non pour les corps !

— Que faire ? murmura Gérande. S'est-il remis au travail ? s'est-il livré au repos ?

— Gérande, répondit doucement Aubert, quelque contrariété morale chagrine maître Zacharius, et voilà tout.

— La connaissez-vous, Aubert ?

— Peut-être, Gérande. — Racontez-nous cela, s'écria vivement Scholastique, en éteignant parcimonieusement son cierge.

— Depuis plusieurs jours, Gérande, dit le jeune ouvrier, il se passe un fait absolument incompréhensible. Toutes les montres que votre père a faites et vendues depuis quelques années s'arrêtent subitement. On lui en a rapporté un grand nombre. Il les a démontées avec soin ; les ressorts étaient en bon état et les rouages parfaitement établis. Il les a remontées avec plus de soin encore ; mais, en dépit de son habileté, elles n'ont plus marché.

— Il y a du diable là-dessous ! s'écria Scholastique.

— Que veux-tu dire ? demanda Gérande. Ce fait me semble naturel. Tout est borné sur terre, et l'infini ne peut sortir de la main des hommes.

— Il n'en est pas moins vrai, répondit Aubert, qu'il y a en cela quelque chose d'extraordinaire et de mystérieux. J'ai aidé moi-même maître Zacharius à rechercher la cause de ce dérangement de ses montres, je n'ai pu la trouver, et, plus d'une fois, désespéré, les outils me sont tombés des mains.

— Aussi, reprit Scholastique, pourquoi se livrer à tout ce travail de réprouvé ? Est-il naturel qu'un petit instrument de cuivre puisse marcher tout seul et marquer les heures ? On aurait dû s'en tenir au cadran solaire !

— Vous ne parlerez plus ainsi, Scholastique, répondit Aubert, quand vous saurez que le cadran solaire fut inventé par Caïn.

— Seigneur mon Dieu ! que m'apprenez-vous là ?

— Croyez-vous, reprit ingénument Gérande, que l'on puisse prier Dieu de rendre la vie aux montres de mon père ?

— Sans aucun doute, répondit le jeune ouvrier.

— Bon ! Voici des prières inutiles, grommela la vieille servante, mais le Ciel en pardonnera l'intention. »

Le cierge fut rallumé. Scholastique, Gérande et Aubert s'agenouillèrent sur les dalles de la chambre, et la jeune fille pria pour l'âme de sa mère, pour la sanctification de la nuit, pour les voyageurs et les prisonniers, pour les bons et les méchants, et surtout pour les tristesses inconnues de son père.

Puis, ces trois dévotes personnes se relevèrent avec quelque confiance au cœur, car elles avaient remis leur peine dans le sein de Dieu.

Aubert regagna sa chambre, Gérande s'assit toute pensive près de sa fenêtre, pendant que les dernières lueurs s'éteignaient dans la ville de Genève, et Scholastique, après avoir versé un peu d'eau sur les tisons embrasés et poussé les deux énormes verrous de la porte, se jeta sur son lit, où elle ne tarda pas à rêver qu'elle mourait de peur.

Cependant, l'horreur de cette nuit d'hiver avait augmenté. Parfois, avec les tourbillons du fleuve, le vent s'engouffrait sous les pilotis, et la maison frissonnait tout entière ; mais la jeune fille, absorbée par sa tristesse, ne songeait qu'à son père. Depuis les paroles d'Aubert Thün, la maladie de maître Zacharius avait pris à ses yeux des proportions fantastiques, et il lui semblait que cette chère existence, devenue purement mécanique, ne se mouvait plus qu'avec effort sur ses pivots usés.

Soudain l'abat-vent, violemment poussé par la rafale, heurta la fenêtre de la chambre. Gérande tressaillit et se leva brusquement, sans comprendre la cause de ce bruit qui secoua sa torpeur. Dès que son émotion se fut calmée, elle ouvrit le châssis. Les nuages avaient crevé, et une pluie torrentielle crépitait sur les toitures environnantes. La jeune fille se pencha au dehors pour attirer le volet ballotté par le vent, mais elle eut peur. Il lui parut que la pluie et le fleuve, confondant leurs eaux tumultueuses, submergeaient cette fragile maison dont les ais craquaient de toutes parts. Elle voulut fuir sa chambre ; mais elle aperçut au-dessous d'elle la réverbération d'une lumière qui devait venir du réduit de maître Zacharius, et dans un de ces calmes momentanés pendant lesquels se taisent les éléments, son oreille fut frappée par des sons plaintifs. Elle tenta de refermer sa fenêtre et ne put y parvenir. Le vent la repoussait avec violence, comme un malfaiteur qui s'introduit dans une habitation.

Gérande pensa devenir folle de terreur ! Que faisait donc son père ? Elle ouvrit la porte, qui lui échappa des mains et battit bruyamment sous l'effort de la tempête. Gérande se trouva alors dans la salle obscure du souper, parvint, en tâtonnant, à gagner l'escalier qui aboutissait à l'atelier de maître Zacharius, et s'y laissa glisser, pâle et mourante.

Le vieil horloger était debout au milieu de cette chambre que remplissaient les mugissements du fleuve. Ses cheveux hérissés lui donnaient un aspect sinistre. Il parlait, il gesticulait, sans voir, sans entendre ! Gérande demeura sur le seuil.

« C'est la mort ! disait maître Zacharius d'une voix sourde, c'est la mort !... Que me reste-t-il à vivre, maintenant que j'ai dispersé mon existence par le monde ! car moi, maître Zacharius, je suis bien le créateur de toutes ces montres que j'ai fabriquées ! C'est bien une partie de mon âme que j'ai enfermée dans chacune de ces boîtes de fer, d'argent ou d'or ! Chaque fois que s'arrête une de ces horloges maudites, je sens mon cœur qui cesse de battre, car je les ai réglées sur ses pulsations ! »

Et, en parlant de cette façon étrange, le vieillard jeta les yeux sur son établi. Là se trouvaient toutes les parties d'une montre qu'il avait soigneusement démontée. Il prit une sorte de cylindre creux, appelé barillet, dans lequel est enfermé le ressort, et il en retira la spirale d'acier qui, au lieu de se détendre, suivant les lois de son élasticité, demeura roulée sur elle-même, ainsi qu'une vipère endormie. Elle semblait nouée, comme ces vieillards impotents dont le sang s'est figé à la longue. Maître Zacharius essaya vainement de la dérouler de ses doigts amaigris, dont la silhouette s'allongeait démesurément sur la muraille, mais il ne put y parvenir, et bientôt, avec un terrible cri de colère, il la précipita par le judas dans les tourbillons du Rhône.

Gérande, les pieds cloués à terre, demeurait sans souffle, sans mouvement. Elle voulait et ne pouvait s'approcher de son père. De vertigineuses hallucinations s'emparaient d'elle. Soudain, elle entendit dans l'ombre une voix murmurer à son oreille :

« Gérande, ma chère Gérande ! La douleur vous tient encore éveillée ! Rentrez, je vous prie, la nuit est froide.

— Aubert ! murmura la jeune fille à mi-voix. Vous ! vous !

— Ne devais-je pas m'inquiéter de ce qui vous inquiète ! » répondit Aubert.

Ces douces paroles firent revenir le sang au cœur de la jeune fille. Elle s'appuya au bras de l'ouvrier et lui dit :

« Mon père est bien malade, Aubert ! Vous seul pouvez le guérir, car cette affection de l'âme ne céderait pas aux consolations de sa fille. Il a l'esprit frappé d'un accident fort naturel, et, en travaillant avec lui à réparer ses montres, vous le ramènerez à la raison. Aubert, il n'est pas vrai, ajouta-t-elle, encore tout impressionnée, que sa vie se confonde avec celle de ses horloges ? »

Aubert ne répondit pas.

« Mais ce serait donc un métier réprouvé du Ciel que le métier de mon père ? fit Gérande en frissonnant.

— Je ne sais, répondit l'ouvrier, qui réchauffa de ses mains les mains glacées de la jeune fille. Mais retournez à votre chambre, ma pauvre Gérande, et, avec le repos, reprenez quelque espérance ! »

Gérande regagna lentement sa chambre, et elle y demeura jusqu'au jour, sans que le sommeil appesantît ses paupières, tandis que maître Zacharius, toujours muet et immobile, regardait le fleuve couler bruyamment à ses pieds.

5. Répondez aux questions.

A. Où se déroule l'action du livre ?

B. Est-ce que toutes les constructions de l'île étaient élevés sur le sol ? Pourquoi ?

C. Dans quelle maison vivait un vieil horloger ? Avec qui ?

D. Quelle était la réaction de maître Zacharius aux mots tendres de sa fille à la table ?

E. Qui est Aubert ?

F. Comment a-t-il réagi à l'inquiétude de Gérande pour son père ? Qu'a-t-il raconté après ?

G. Qu'a fait Scholastique ?

H. Qu'est-ce qui s'est passé pendant la nuit ?

I. Qui pouvait guérir l'horloger selon sa fille ?

6. Rappelez-vous le fragment correspondant à l'image suivante. Parlez-en.



Traduction

Зимняя ночь

Женева расположена в самой западной точке озера, благодаря которому город и получил своё название. Рона, вытекая из озера, пересекает всё поселение и делит его на два самостоятельных района; сам же город в центре разделён островом, расположившимся между двумя берегами. Такое топографическое расположение часто встречается в крупных торговых или промышленных центрах. Несомненно, первых жителей привлекала лёгкость передвижения, обеспечиваемая быстрыми потоками рек, «этими путями, которые шагают сами», по словам Паскаля. В случае с Роной они не шагают, а бегут.

В те времена, когда на этом острове, бросившем здесь свой якорь словно голландский галиот, ещё не были возведены новые, упорядоченные здания, это чудесное скопление домов, расположенных один над другим, представляло собой очаровательно хаотичную картину. Небольшие размеры острова вынудили строить некоторые из этих зданий на сваях, беспорядочно вбитых в бурные потоки Роны. Эти толстые балки, почерневшие от времени и изношенные водой, напоминали лапы огромного краба и создавали фантастический эффект. Несколько пожелтевших нитей, настоящие паутины, натянутые внутри многовековой конструкции, шевелились в тени, словно листва древних дубов, а река, несущаяся сквозь этот лес свай, пенилась со скорбным рёвом.

Одно из жилищ на острове поражало своим странно обветшалым видом. В нём жили старый часовщик, мастер Захариус, его дочь Жеранда, его ученик Обер Тюн и его старая служанка Схоластика.

Какой необычный человек — этот Захариус! Невозможно было угадать его возраст. Никто из старейших жителей Женевы не мог сказать, как долго его худая, заострённая голова покачивалась на плечах и в какой день его впервые увидели идущим по улицам города, с длинными седыми волосами, развевающимися на ветру. Этот человек не жил по-настоящему. Он раскачивался, как маятник своих часов. Его лицо, сухое и омертвелое, приобрело мрачные оттенки. Как и картины Леонардо да Винчи, он погрузился во тьму.

Жеранда жила в самой красивой комнате старого дома, откуда через узкое окно её взгляд меланхолично останавливался на заснеженных вершинах Юр; но спальня и мастерская старика занимали своего рода подвал, расположенный почти у самой реки, пол которого опирался прямо на сваи. С незапамятных времён мастер Захариус выходил из него только чтобы поесть и когда отправлялся настраивать различные часы в городе. Остальное время он проводил у верстака, заставленного многочисленными часовыми инструментами, большинство из которых он изобрёл сам. Ведь он был искусным мастером. Его работы высоко ценились по всей Франции и Германии. Самые изобретательные умельцы Женевы открыто признавали его превосходство, и это было честью для города, который представлял его со словами:

«Это Захариусу принадлежит слава изобретения якорного спуска в часах!»

Действительно, именно с этого изобретения, которое позже описал Захариус в своих трудах, и началось истинное часовое дело.

После долгой и кропотливой работы Захариус медленно расставлял инструменты по своим местам, закрывал только что обработанные им детали лёгким стеклом и давал отдохнуть вращающемуся колесу токарного станка; затем он открывал смотровое оконце, проделанное в полу его комнаты, и, склонившись над ним, несколько часов подряд вдыхал туманные испарения Роны, которая с грохотом проносилась у него под ногами.

Однажды зимним вечером старая Схоластика подала ужин, который, по старинному обычаю, она делила с молодым рабочим. Хотя мастеру Захариусу и подали тщательно приготовленные блюда на изысканной сине-белой посуде, есть он не стал и едва отвечал на нежные слова Жеранды, которая была явно озабочена всё более мрачной молчаливостью отца, а бол-

товня Схоластики доносилась до его ушей не больше, чем гул реки, на который он перестал обращать внимание. После этой молчаливой трапезы старый часовщик вышел из-за стола, не поцеловав дочь и не пожелав всем спокойной ночи. Он исчез за узкой дверью, ведущей в его уединённое место, и под тяжёлыми его шагами лестница тяжело и жалобно заскрипела.

Жеранда, Обер и Схоластика на несколько мгновений умолкли. Вечером стояла мрачная погода; тучи тяжело тянулись вдоль Альп и грозили дождём; суровая швейцарская жара наполняла душу печалью, а южные ветры кружили вокруг, издавая зловещие свистящие звуки.

— Знаете ли вы, моя дорогая юная леди, — наконец сказала Схоластика, — что наш мастер последние несколько дней совершенно замкнут? Святая Дева! Я понимаю, почему он не притронулся к еде: слова застряли у него в желудке, и дьявол был бы очень хитёр, если бы смог вытянуть из него хоть единое словечко!

— У моего отца есть какая-то тайная причина для скорби, о которой я даже не могу догадываться, — ответила Жеранда, и на её лице застыло мучительное беспокойство.

— Мадмуазель, не позволяйте такой печали овладеть вашим сердцем. Вы знаете странные привычки господина Захариуса. Кто может прочесть тайные мысли у него на лбу? Несомненно, с ним приключилась какая-то беда, но завтра он не вспомнит об этом и искренне пожалеет о том, что причинил дочери страдание.

Так заговорил Обер, устремив свой взгляд на прекрасные глаза Жеранды. Обер был единственным подмастерьем, которого мастер Захариус когда-либо допускал до своей работы, поскольку ценил его за ум, осмотрительность и великую доброту души. Юноша привязался к Жеранде, обретя ту таинственную веру, которая влекла его к героической преданности.

Жеранде было восемнадцать. Овальная форма её лица напоминала лица простеньких Мадонн, которые до сих пор почтенно висят на углах улиц в старых городах Бретани. Её глаза излучали бесконечную искренность. Её любили как сладкое воплощение мечты поэта. Её одежда была приглушённых тонов, а белое льняное бельё, собравшееся в складки на её плечах, имело тот особый оттенок и аромат, которые обыкновенно присущи церковным облачениям. Она жила мистической жизнью Женевы, города, ещё не поддавшегося сухости кальвинизма.

Читая утром и вечером молитвы на латыни из своего требника с железным замочком, Жеранда разглядела в сердце Обера Тюна скрытое чувство: какую глубокую преданность испытывал к ней молодой мастер. Ведь в самом деле, в его глазах весь мир умещался в доме старого часовщика, и всё своё время он проводил с девушкой, когда, закончив работу, покидал отцовскую мастерскую.

Старая Схоластика это видела, но ничего не говорила. Болтливость старухи лучше всего проявлялась в рассказах о несчастьях своего времени и мелких семейных неурядицах. Никто не пытался остановить её. Она была похожа на те музыкальные табакерки, сделанные в Женеве: собрав которые, нужно было бы их разбить, чтобы они перестали играть все свои мелодии.

Оставив Жеранду погружённой в мучительное молчание, Схоластика встала со своего старого деревянного стула, прикрепила свечу к верхушке канделябра, зажгла её и поставила рядом с маленькой восковой статуэткой Девы Марии, спрятанной в каменной нише. По обычаю, перед этой Мадонной, покровительницей дома, преклоняли колени и просили её проявить свою благосклонность в предстоящую ночь; но в тот вечер Жеранда оставалась безмолвной на своём месте.

— Что же это, моя дорогая юная госпожа, — с изумлением сказала Схоластика, — ужин окончен, и пора пожелать друг другу доброй ночи. Что же, вы хотите утомить свои глазки долгим бдением?.. Ах, Святая Дева! Идите всё-таки спать, и вы отыщете хоть немного радости в своих приятных сновидениях! В эти проклятые времена, в которые мы живём, кто может обещать себе хотя бы один денёчек счастья?

— Не следует ли нам послать за врачом для моего отца? — спросила Жеранда.

— За врачом! — воскликнула старая служанка. — Да мастер Захариус никогда и не слушал все их фантазии и умные речи! Разве могут быть врачи для часов, да и для тел тоже!

— Так что же делать? — прошептала Жеранда. — Он снова принялся за работу? Или решил наконец отдохнуть?

— Жеранда, — мягко ответил Обер, — мастер Захариус обеспокоен лишь некоторой моральной проблемой, и это всё.

— Вы знаете какой, Обер?

— Возможно, Жеранда.

— Расскажите же нам! — с нетерпением воскликнула Схоластика, экономно гася свечу.

— Уже не один день, Жеранда, — сказал молодой рабочий, — происходит нечто совершенно непонятное. Все часы, которые ваш отец изготовил и продал за последние несколько лет, внезапно перестали работать. Ему принесли немало часов. Он их тщательно разобрал; пружины были в хорошем состоянии, а шестерёнки идеально установлены. Он собрал их заново ещё более скрупулёзно, но, несмотря на всё его мастерство, часы так и не заработали.

— Тут без чёрта не обошлось! — завопила Схоластика.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Жеранда. — Мне кажется, это вполне естественно. Всё на земле имеет свой предел, и бесконечность не может быть создана руками человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.